

— Лонгрен! — зывал Меннерс, — ты ведь слышишь меня, я погибаю, спаси!
Но Лонгрен не сказал ему ни одного слова, казалось, он не слышал отчаянного вопля. Пока не отнесло лодку так далеко, что еле долетали слова-крики Меннерса, он не переступил даже с ноги на ногу, — сидящему внутри дома, — спаси!»

Роль провидения, намечалась в Грже еще тогда, когда приставил к стене стул, чтобы достать картину, изображавшую распятие; он вынул гвозди из окровавленных руж Христа, то есть попросту замазал голубой краской, похищенной у маляра. В таком виде он находил картину более сносною. Увлеченный своеобразным занятием, он начал уже замазывать и ноги распятого, но был застигнут отцом.

Алые

Пока она шьет, посмотрим на нее ближе — вовнутрь. В ней две девушки, две Ассоль, перемешанных в замечательной прекрасной несправильности. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастерица и игрушки, другая — живое стихотворение, со всеми чудесами его созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимосвязи их теней и света, падающих от одного на другое.

Грэй замер. В то время, как другие женщины хлопотали около Бетси, он пережил ощущение острого чужого страдания, которое не мог испытать сам.
— Очень ли тебе больно? — спросил он.
— Попробуй, так унаешь, — ответила Бетси, накрывая руку передником.
Намунив брови, мальчик вскарабкался на табурет, зачерпнул длинной ложкой горячей жижи и плеснул на изгиб кисти. Впечатление оказалось не слабым, но слабость от сильной боли заставила его пошатнуться.

ам, где они плыли, слева волнистым ступенем тьмы росла берег. «...» Направо был океан, явственный, как присутствие спящего человека. Миновав Каперну, Грэй повернул к берегу. Здесь тихо прибывало водой; светил фонарь, он увидел ямы обрыва и его верхние, висевшие уступы; это место ему понравилось.

Он тихо отвел рукой ветку и остановился с чувством опасной находки. Не далее как в пяти шагах, свернувшись, подобрал одну ножку и выгнув другую, лежала головой на уютно подпернутых руках утомившаяся Ассоль.

паруса

...Вы видели, что привезен красный шелк; из него под руководством парусного мастера Блента смастрят «Секрету» новые паруса.

Бережно, но со смехом, сам потрясенный и удивленный тем, что наступила невыразимая, недоступная никому драгоценная минута, Грэй ползая за подбородок вверх это давно-давно притренившееся лицо, и глаза девушки наконец ясно раскрылись. В них было все лучшее человека.

VI ГЛАВА

„Ассоль остаётся одна“

Когда Лопухин вернулся утром, Ассоль дома не было. Но вот она была вдали и между Лопухином и Ассоль завязался разговор. Лопухин рассказал, что решил поступить на почтовой пароход и она не будет дома 10 дней. Потом Ассоль села за столик за который Лопухин держал ирландки и попыталась применить ружьё к корню. Ассоль решила пойти в Лисс. По дороге она встретила прохожего, которому помогла и подсказала путь. Поужев по городу она уже разбиралась и пошла домой. По дороге домой Ассоль встретила знакомого убогого человека. Машини поговорил,

"Алые паруса" Александр Грин
I глава "Предсказание"

Понгрек остаётся один с дочерью Ассоль, МАМА умерла

Меннерс тонет. Понгрек из-за злобы на него за жену не помог

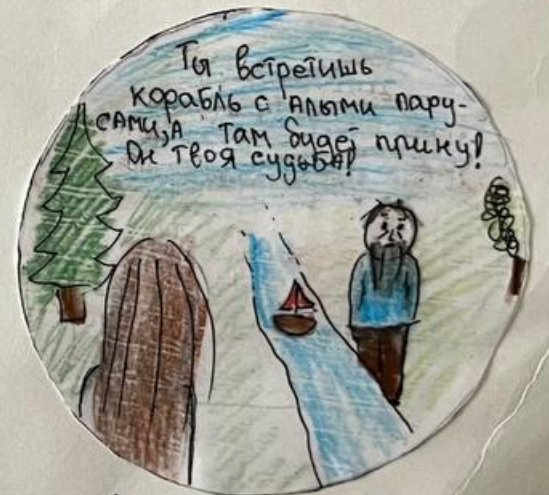
Ассоль некаждый день

Понгрек подарил дочери корабль с алыми парусами

Ассоль бежит по лесу за корабльником

Встреча с волшебником

А. С. Грин "Лове паруса"
глава VII. Алюй "Секрет"

"... она вбежала по пояс в
тёплое колышание волн, крича:
— Я здесь, я здесь! Это я!"

"... но вдруг случайный пересход
взгляда от одной крыши к другой
открыл ей на синей морской цели
ушиного пространства корабль с
алыми парусами."

"Грэй взял её руки и, зная
уже теперь, куда можно безопасно
идти, она спрятала мокрое от слёз
лицо на груди друга, пришедшего
так волшебю."

АЛЫЕ ПАРУСА

Содержание

- I. Предсказание
- II. Грэй
- III. Рассвет
- IV. Накануне
- V. Боевые приготовления
- VI. Ассоль остается одна
- VII. Алый "Секрет"

Ассоль

Арамис

Алистер

Когда на другой день стало светать, корабли были далеко от Каперны. Часть экипажа как уснула, так и осталась лежать на палубе, поборогал вином Грэй; держки на носгах лишь руневой да вахтенный, да сиревый на корме с грифом виолоичели у парфорка задручевый и хилельней Филлер. Он сидел, тихо ворил спичком, заставлял струны говорить воншешным, неземным голосом, и думал о счастье...
The end!

